

МАЯКОВСКИЙ ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом. Родился 7 июля 1894 года (или 93 — мнение мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае, не раньше). Родина — село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия. Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году.

Мама: Александра Алексеевна.

Сестры:

а) Люда.

б) Оля.

Других Маяковских, по-видимому, не имеется.

Первое воспоминание было таким:

Отец выписал журнал «Родина». У «Родины» «юмористическое» приложение. О смешных говорят и ждут. Отец ходит и поёт своё всегдашнее «алон занфан де ля по четыре». «Родина» пришла. Раскрываю и сразу (картинка) ору: «Как смешно! Дядя с тётей целуются». Смеялись. Позднее, когда пришло приложение и надо было действительно смеяться, выяснилось — раньше смеялись только надо мной. Так разошлись наши понятия о картинках и юморе. Другое воспоминание - Лето. Приезжает масса. Красивый длинный студент — Б. П. Глушковский. Рисует. Кожаная тетрадища. Блестящая бумага. На бумаге длинный человек без штанов (а может, в обтяжку) перед зеркалом. Человека зовут «Евгенионегиным». И Боря был длинный, и нарисованный был длинный. Ясно. Борю я и считал этим самым «Евгенионегиным». Мнение держалось года три. Помню ещё такое: Потрясающее количество гостей. Накапливаются именины. Отец хвастается моей памятью. Ко всем именинам меня заставляют заучивать стихи. Помню — специально для папиных именин:

Как-то раз перед толпою Соплеменных гор...

«Соплеменные» и «скальы» меня раздражали. Кто они такие, я не знал, а в жизни они не желали мне попадаться. Позднее я узнал, что это поэтичность, и стал тихо её ненавидеть.

Мое первое увлечение настоящим футуризмом произошло ещё в детском возрасте. И футуризм я имею в виду не поэтический, а настоящий - футуризм промышленный. Лет семь. Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узейшая. Отец, очевидно, одёрнул рукавом ветку шиповника. Ветка с размаху шипами в мои щеки. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропали и туман и боль. В расступившемся тумане под ногами — ярче неба. Это электричество. Клёпочный завод князя Накашидзе. После электричества совершенно бросил интересоваться природой. Неусовершенствованная вещь. Тогда я ещё даже читать не умел. А учился я так: Учила мама и всякоюродные сестры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счёта. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием. Потом я поступил в гимназию. Меня чуть не выперли из-за проваленных экзаменов по православию. Из-за этого возненавидел всё древнее, всё церковное и всё славянское.

Ещё одно яркое воспоминание - смерть отца. В 1906-м году отец укололся ржавой иголкой. Быстро развилось заражение крови и он скоропостижно скончался. С тех пор я стал одержим чистотой и боялся крови. Двери я открывал только через ткань,

постоянно мыл руки. Булавки, заколки и иголки стали вызывать у меня ужас. После этой трагедии семьей переехали в Москву. Жили в настоящей нищете. Поступил в какую-то гимназию, но меня выперли. На обучение не хватало денег.

КВЕСТЫ МАЯКОВСКИЙ

КВЕСТ 1 “Меня вот любить учили в Бутырках”

Помню, революцией я интересовался еще будучи в Грузии. Грузины распространяли всякую агитацию. Прокламации вешали грузины. Грузинов вешали казаки. Мои товарищи грузины. Я стал ненавидеть казаков. Помню первую революцию. Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошёл. Хорошо. Вспоминаю живописно: в чёрном анархисты, в красном эсеры, в синем эсдеки, в остальных цветах федералисты. 29 марта 1908 г. нарвался на засаду. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплёте. Пресненская часть. Охранка. Суцёвская часть. Следователь Вольтановский (очевидно, считал себя хитрым) заставил писать под диктовку: меня обвинили в писании прокламации. Я безнадежно перевирал диктант. Писал: «социальдемократическая». Потом выпустили. Помогал организовать побег женщин-арестантов. Меня забрали. Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть — Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д. — и наконец — Бутырки. Одиночка № 103.

*Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня ж
из 5-го вышибли класса.
Пошли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот*

любить
учили
в Бутырках.
Что мне тоска о Булонском лесе?!
Что мне вздох от видов на море?!
Я вот
в «Бюро похоронных процессий»
влюбился
в глазок 103 камеры.
Глядят ежедневное солнце,
зазнаются.
«Чего, мол, стоят лучёнышки эти?»
А я
за стенного
за желтого зайца
отдал тогда бы — всё на свете.

Персонажи:

Владимир Маяковский

Дети – революционеры

ЦЕЛЬ: Высвободить Маяковского

Игра – Словеска (приложение)

Вывод:

За меня вступились товарищи по партии и меня отпустили из тюрьмы. Это было третье, последнее заключение. В тюрьме я впервые начал писать. В тюрьме пречел всё новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось так же про другое — нельзя. Вышло ходульно и ревлпаксиво. Что-то вроде:

*В золото, в пурпур, леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.*

*Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.*

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при выходе отобрали. А то б ещё напечатал! После тюрьмы бросил партию и сел учиться. Поступил в художественное училище и стал писать картины. Думалось — стихов писать не могу. Опыты плачевные. Работал хорошо. В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались. Как-то у меня вышло стихотворение. Вернее — куски. Плохие. Нигде не напечатаны. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: «Да это же вы сами написали! Да вы же гениальный поэт!» Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушёл в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом.

КВЕСТ 2 “Облако в штанах”

Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы — гнуснейшего вида. Нет денег. Взял у сестры кусок жёлтой ткани. Сделал желтую рубашку. Фурор. Впечатление неотразимое. Ездили Россией. Вечера. Лекции. Были с нами Бурлюк, Каменский, Северянин. В каждом городе читали стихи. Приехали в Одессу. Познакомился с замечательнейшей особой. Маша Денисова. Актриса. Влюбился по уши. Футуристы злятся. Хочу остаться с ней. Супруг у нее есть. Каждый день по букету ей. Все отговаривают. Разлюбить уже не смогу. Грызу локти. Что делать — не знаю. Звонил сестрам — говорил, что у меня пожар сердца.

Мария — дай!

Мария!

*Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть*

какое-то
в муках ночей рожденное слово,
величаем равное богу.
Тело твое
я буду беречь и любить,
как солдат, обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу.
Мария —
не хочешь?
Не хочешь!
Ха!
Значит — опять
темно и понуро
сердце возьму,
слезами окапав,
нести,
как собака,
которая в конуру
несет
перееханную поездом лапу.

Персонажи:

Дети – поэты футуристы

Мария Денисова

Игорь Северянин

Цель: Добиться отмены турне и остаться с Марией

Игра: Дети – персонажи (Василий Каменский – знаменитый поэт, летчик, настоящая звезда начала XX века, друг Маяковского; Давид Бурлюк – поэт, художник, футурист, духовный наставник Маяковского; Юлия Аполонова (выдуманный человек))

Игорь Северянин и дети Северянина должны уговорить Маяковского оставить Марию или уговорить Марию отказать Маяковскому.

- 1) Работа над стихотворениями. Дети должны восстановить стихотворение (как это было с Пастернаком). Подготовив стихотворение, Маяковский собирается на свидание к Марии. Приходит Игорь Северянин и пытается отговорить Маяковского от этой интрижки, потому что Мария Денисова обвенчана. Маяковский говорит, чтобы за него решили его дети. Дети должны решить между собой, что делать. Вне зависимости от итогов, Маяковский все равно идет к Марии
- 2) Маяковский приходит к Марии. Случается словесная перепалка Маяковского и Северянина, который в это же время с ним. Дети снова должны решить, что делать и обсуждают между собой решение. Вне зависимости от решения, Мария Денисова отвергает Маяковского. Маяковский окончательно ссорится с Северяниным. Игорь читает отрывок “это было у моря”. Рождается “Облако в штанах”.

ВЫВОД:

Я ехал в поезде дальше с остальными футуристами. Трясло. Поглащал чай в немеренных количествах. Было больно. В голову въелось северянинское “это было у моря”. Постоянно повторял. Получилось – “это было / было в Одессе”. Стал записывать обрывки стихов на спичечные коробки. Бурлюк выхватывал их. Сказал мне, что я пишу поэму будущего. Не поверил. В Крым приехали. Окончательно рассорились с Северяниным. Бросал ему издевки за его манеру. Он был не согласен с нашим манифестом, где мы сбрасывали Пушкина с парахода современности. Уехал. Футуристы раскололись. Мы – кубофутуристы. В Москве познакомился с Эльзой Триоле. Полюбил. Посвятил ей получившуюся поэму. Поэму назвал “Тринадцатый апостол”. Цензуру не прошло. Переименовал. Получилось “Облако в штанах”.

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке.
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут,
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.
У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огрómив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.
Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!
Приходи́те учиться —
из гостиной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги.
И которая губы спокойно перелистывает,
как кухарка страницы поваренной книги.
Хотите —
буду от мяса бешеный
— и, как небо, меняя тона —
хотите —
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а — облако в штанах!
Не верю, что есть цветочная Ницца!
Мною опять славословятся мужчины,
залежанные, как больница,
и женичины, истрепанные, как пословица.

Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб на́ зуб.

Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки зами,
сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж».
Что ж, выходите.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите — спокоен как!
Как пульс
покойника.
Помните?
Вы говорили:
«Джсек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», —
а я одно видел:
вы — Джиоконда,
которую надо украсть!
И украли.

КВЕСТ 3 “Лиличка”

Началась война. Чувствую себя прескверно. Пишу часто, много. Выступаю в “собаке”. Знакомлюсь с творческими кругами. Особенно близки Хлебников и Бурлюк. Читал стихи Горькому. Горький обплакал мне весь жилет. Растрогал стихами. Живу в Москве, на Пресне. В отношениях с Эльзой Триоле. Она постоянно рассказывает о сестре – Лиле Брик. Лилия замужем за Осипом Бриком. Обещает познакомить. Что ж, пусть знакомит.

*У взрослых дела.
В рублях карманы.*

Любить?
Пожалуйста!
Рубликов за сто.
А я,
бездомный,
ручища
в рваный
в карман засунул
и шлялся, глазастый.
Ночь.
Надеваете лучшее платье.
Душой отдыхаете на женах, на вдовах.
Меня
Москва душила в объятьях
кольцом своих бесконечных Садовых.
В сердца,
в часишки
любовницы тикают.
В восторге партнеры любовного ложа.
Столиц сердцебиение дикое
ловил я,
Страстную площадью лежа.
Враспашку —
сердце почти что снаружи —
себя открываю и солнцу и луже.
Входите страстями!
Любовями влазьте!
Отныне я сердцем править не властен
У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди — любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце —
гудит повсеместно.
О, сколько их,

*одних только весен,
за 20 лет в распаленного ввалено!
Их груз нерастраченный — просто несносен.
Несносен не так,
для стиха,
а буквально.*

Персонажи:

Дети - персонажи (Эльза Триоле - любовница Маяковского,
сестра Лили Брик; Осип Брик - муж Лили Брик)

Цель: Начать отношения с Лилей Брик

Игра: мир. Дети-персонажи

Эльза собирается с Маяковским на встречу с Бриками. Маяковский вместе с Эльзой идут к Лиле Брик. Когда дети приходят они видят Лилю Брик и Осипа. Все садятся за стол. Маяковский предлагает почитать стихи и читает отрывками *Облако в штанах*. Лиля рассказывает о себе и о своем замужестве, но признается, что это не мешает ей знакомиться с другими мужчинами. Маяковский смертельно влюблен. Посвящает *Облако в штанах* ей. Владимир Бросает Эльзу Триоле и уходит к Лиле

ВЫВОД

*Разошелся с Триоле. Кажется, что мирно. Она не злится.
Сердцу не прикажешь, я смертельно влюбился в Лилю.
Постоянно делаю ей подарки. Лиля Юрьевна Брик – моя любовь.
Осип Брик, ее муж, против наших отношений ничего не имеет.
Живем вместе, втроем. Хочу, чтобы Лиля была только моя.
Ревную к Осечке, хотя люблю и его братской любовью. Лиля
часто срывается на меня. Бывает, бьет. Все мои интрижки с
другими жестко прерывает. Скандалит. Мы с Осей
успокаиваем. Ревность усмиряю. Люблю ее до безумия.*

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученыховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь,
можешь быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике выреветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне

нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

КВЕСТ 4 “ Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер.”

В августе 1914-го года было первое сражение. Вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл ещё отвратительней. Написал про это.

*Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?*

*Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие нажраться лучше как,
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..*

*Если он приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!*

*Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре девкам буду
подавать ананасную воду!*

*Чтобы сказать о войне — надо её видеть. Пошёл записываться
добровольцем. Не позволили. Нет благонадёжности. Прошу
помочь Максима Горького. Он влиятельный, найдет место мне.
В 1915-м году забрали в армию. Теперь идти на фронт не хочу.
Притворился чертёжником. Определили в Петроград, в столицу.
Солдатам печатать что-либо запрещают. Не могу выпускать
стихи Один Осип Брик помогает. Покупает все мои стихи и
выпускает. Пишу антивоенное. Я живу на Большой Пресне,
36, 24.*

Место спокойненькое.

Тихонькое.

Ну?

*Кажется — какое мне дело,
что где-то*

*в буре-мире
взяли и выдумали войну?*

Ночь пришла.

Хорошая.

Вкрадчивая.

*И чего это барышни некоторые
дрожат, пугливо поворачивая
глаза громадные, как прожекторы?*

*Уличные толпы к небесной влаге
припали горящими устами,
а город, вытрепав ручонки-флаги,
молится и молится красными крестами.*

*Простоволосая церковка бульварному
изголовью*

*припала,- набитый слезами куль,-
а У бульвара цветники истекают кровью,
как сердце, изодранное пальцами пуль.*

*Тревога жиреет и жиреет,
жрет зачерствевший разум.*

*Уже у Ноева оранжереи
покрылись смертельно-бледным газом!*

*Скажите Москве —
пускай удержится!*

Не надо!

Пусть не трясется!

Через секунду

*встречу я
неб самодержца,-
возьму и убью солнце!*

Видите!

Флаги по небу полощут.

Вот он!

Жирен и рыж.

*Красным копытом грохнув о площадь,
въезжает по трупам крыши!*

Наградили медалью “за усердие”. Служу хорошо. Мне от солдатовщины противно. Грянула революция. Сразу вступил к большевикам. Хочу арестовать офицера.

Персонажи:

Дети – солдаты

Женщина - депутат-буржуй

Цель: Подготовить агитационные материалы и арестовать депутата

Игра: Дети – персонажи

Дети с Маяковским сидят в казарме. Сначала они готовят агитационные материалы (коллаж). Подготовив материалы, начинают их распространять.

Маяковский говорит детям спрятаться и арестовать депутата, когда тот войдет. Входит депутат и начинает грубо отчитывать Маяковского за плакаты, после чего выскакивают дети и вместе с Маяковским арестовывают депутата

ВЫВОД:

Сначала была февральская революция. В октябре 1917-го Ленин взял власть. Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Это моя революция. Работаю очень много. Пишу киносценарии. Играю сам. Рисую для кино плакаты. Началась гражданская война. Лучший период моей жизни. Пишу революционные стихи. Например один посвятил матросам.

Разворачивайтесь в марше!

Словесной не место кляузе.

Тише, ораторы!

Ваше

слово,

*товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!*

*Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!*

*Рисую карикатуры. Написал поэмы про Ленина и революцию.
Работаю на государство. Помогаю, как могу. Трудное время.
Живем с Бриками в Москве. Голод и холод. Сплю на полене по
паре часов в день. Работы много.*

КВЕСТ 5 “В смерти прошу никого не винить”

*Все так же работаю на революцию. Делаю рекламные слоганы.
Например – “лучших сосок не было и нет. Готов сосать до
старых лет. Покупайте соски в резиноктресте”. Стал первым
рекламщиком в СССР. Много друзей уехали в эмиграцию. Бросил
Бурлюк. Несколько раз ездил в путешествия. Франция, Германия,
Америка. В Париже познакомился с Таней Яковлевой. Была
любовь. Написал крупную вещь. “Письмо Татьяне Яковлевой”.*

Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

В Москве узнали про Таню. Лиля злится очень. В газетах распускают слухи. Противно. Написал много про путешествия. Критиковал капитализм. Постоянно езжу в Париж. Потом перестали пускать. Говорят, что нужен в СССР. Слухи, что перестали доверять мне. Брики уехали. Я один. Пришел к власти Сталин. Объявили, что футуризм больше не нужен. Гнусно. Нашел новую подругу. Вероника Полонская. Зову ее Норой. Она актриса. Постоянно уходит на репетиции. Меня иногда даже забывает. Противно. Лиля мало пишет. Печатать стали мало. Отовсюду критика. Говорят, что я исписался. Везде не любят. Государство следит за мной. Пишу работы на заказ. Организовал крупную выставку. Итог всей моей работы. Хотел открыть грандиозно. Очень много сил потратил. Почти никто не ходит. Товарищи-поэты игнорируют. В газетах не пишут. Кто видел – говорят, что я выгляжу подавлено. Может быть. Я одинок и всем на меня все равно. Только Нора Полонская и радуется. Написал вещь – “Во весь голос!” Буду читать.

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем говне,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.

Прочитал на публике. Сорвали. Пришли комсомольцы. Не дали дочитать. Говорили, что я шпион. Что я исписался. Что мне нужно прекратить писать гнусные стишки. Состояние стало хуже. Заболеваю.

Персонажи:

Вероника Полонская

Дети – почитатели Маяковского

Цель: Увидеть конец жизни Маяковского

Игра: дети – мысли. Сначала помогают с выставкой, потом просто смотрят заставку

Дети уже находятся в зале выставки, а Маяковский за дверью. Выступление Маяковского только закончилось и он заходит в зал. Видно, что он удручен. Маяковский думает написать ли письмо в крупные газеты, чтобы сделать рекламу. Дети выбирают, писать или нет. Маяковский срывает. Он хочет уничтожить выставку, плакаты и прочее. Дети либо соглашаются, либо останавливают его. Маяковский едет домой, к Норе Полонской. Происходит заставка (смотреть приложение). Нора уходит от Маяковского и Владимир совершает самоубийство.

ВЫВОД:

Всем

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите - это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля - люби меня.

Товарищ правительство, моя семья - это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь - спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят-

"инцидент исчерчен",

любовная лодка

разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете

и не к чему перечень

взаимных болей,

бед

и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир М а я к о в с к и й.

Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно - ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль - снял лозунг, надо

бы доругаться.

В.М.

В столе у меня 2000 руб. - внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В.М.

В тот же день газеты напишут: “Сегодня утром Маяковский возвратился домой к артистке Веронике Полонской. Скоро из комнаты Маяковского раздался револьверный выстрел, вслед за которым выбежала артистка. Немедленно была вызвана карета скорой помощи”, но еще до прибытия ее В. Маяковский скончался. Вбежавшие в комнату нашли Маяковского лежащим на полу с простреленной грудью”. Вера Полонская вспоминала: “Я успела дойти до парадной двери и услышала выстрел. Заметалась, боялась вернуться. Потом вошла и увидела ещё

не рассеявшийся дым от выстрела. На груди Маяковского было небольшое кровавое пятно. Я бросилась к нему, я повторяла: «Что вы сделали?..» Он пытался приподнять голову. Потом голова упала, и он стал страшно бледнеть... Появились люди, мне кто-то сказал: «Бегите, встречайте карету «скорой помощи»». Выбежала, встретила. Вернулась, а на лестнице мне кто-то говорит: «Поздно. Умер...»»

Мотив самоубийства у Маяковского часто появлялся. Осип Брик говорил: “Перечитайте его стихи, и вы убедитесь, как часто он говорит... о своем неизбежном самоубийстве”. В последние годы жизни Маяковский находился в крайне тяжелом состоянии.

Когда стало известно о самоубийстве Маяковского, тысячи людей пришли к дому поэта. Выстроилась огромная очередь из желающих подойти к гробу. Она растянулась на несколько улиц. Люди сами приходили. Это было стихийно. Никто никого не приглашал. Через пять лет после самоубийства, Сталин назовет Маяковского самым лучшим и талантливейшим поэтом Советской эпохи. В тот же день Триумфальную площадь в центре Москвы переименуют в площадь Маяковского. Маяковского будут издавать многомиллионными тиражами, он станет главным поэтом Советского союза. Потом на площади воздвигнут памятник Маяковскому, у которого начнут читать стихи. Стихи дерзкие и свободные, такие, каким был сам Маяковский в молодости. Это назовут «Маяковские чтения». А потом, в том же месте, будут проводить радикальные перформансы и выступления. Ну а потом и оппозиционные демонстрации. Такие же, на которые ходил и сам Маяковский в молодости. Площадь Маяковского потом обратно переименуют в Триумфальную. Станция метро останется называться «Площадь Маяковского».

В истории Маяковский остался, как символ протеста.

*Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.*

*Оружия
любимейшего
род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.*

*И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.*

*Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.*

*Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.*

*Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном*

*мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.*

*Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.*

*Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный*

*в боях
социализм.*